

По осенней степи пробежался первый мороз. Пожухла трава, смолкли и улетели птицы, в воздухе застыл холод. Зимы в болгарских краях суровые, здесь тебе и сугробы снега, и завывания метели, и холода, от которых стыннут реки и лопаются деревья. Тяжело в такие морозы приходится и лесному зверю, и лошади, и, конечно же, человеку. Но до зимы было ещё далеко, лишь её первые признаки неумолимо приближались, окутывая степь дымкой холода.

По стылому, предзимнему полю, среди прибитого инеем ковыля, тихо шла старушка, одетая в чёрное. Путь её лежал на Север, в соседний большой город в ста верстах впереди. Почтенный возраст, согбенная фигура, небольшой узелок за плечами, казалось бы, пригибали старушку к земле, и она еле передвигала ноги. Как будто какой-то невидимый груз, тяжёлая ноша висели на хрупких плечах, во всём облике читалось вселенское, безутешное горе, неземная отрешённость и усталость от жизни. Старушка бессвязно бормотала себе под нос: «О, Всевышний Аллах! Уповаю на тебя, Господа, Повелителя миров! За что, Великий, наказываешь меня? За что лишил меня света в моём земном пути? Дитя моё, что же ты наделала? Как ты смогла, на кого ты меня оставила? Горе мне, горе... Лучше бы Аллах призвал меня... Дитячко моё милое, как я теперь без тебя? Милая моя девочка...»

Вдалеке показался монгольский дозор. Три всадника, опьянённые лёгкими победами, горячие до чужой крови и имущества, на мохнатых приземистых лошадях, сперва не обратили внимания на одинокую фигурку, но затем старший из них что-то сказал молодому воину, и тот спешно погнал коня к путнице. Приблизившись и присмотревшись к ней, он подумал: «Вот старая ведьма, призывает духов нам на погибель... А не хочет ли она отведать моей камчи?»^{*} Рука привычным движением потянулась за пояс к кожаной плетке и уже занесла руку над старушкой, но вдруг воин дёрнулся и застыл в недоумении... На спине у старушки, рядом с узелком висела железная пайцца^{**} Великого Бату-хана, дававшая право беспрепятственного прохода по всем владениям монгольского войска. «Дзинь, дзинь, дзинь», – била пайцца по медному поясу в такт мелким шагам. Всадник застыл в недоумении... «Что-то здесь не так... Великий Хан не будет раздавать пайццы кому попало. Здесь можно и голову сложить за непослушание. Пусть она идёт с миром дальше». Воин развернулся, в сердцах огрел камчой и погнал

* Камча – кожаная плетя

** Пайцца – металлическая или деревянная табличка, дававшая право беспрепятственного прохода по владениям монгольского войска. Металлические пайццы изготавливались из золота, серебра, меди и железа.

лошадь галопом к удаляющемуся дозору. Поравнявшись, он сказал товарищам: «Сумасшедшая старуха, что-то бормочет себе под нос, но у неё пайца Великого Хана... Я не стал её трогать». Старший ответил: «Молодец, Мэрген, раз так, то не надо с ней связываться, пусть идёт, пока ноги несут. Думаю, что она замёрзнет до завтрашнего утра. А так — не сносить нам наших голов за то, что слушаемся Хана». Всадники неспешно, рысцой поскакали дальше осматривать границы монгольских владений, а старушка медленно и безучастно продолжала свой путь... Вот как начиналась эта история...

* * *

Осень 1237 года была ранней. Бату-хан, молодой чингизид, предводитель невиданной доселе в этих краях Орды, стоял на пороге своего нового, отвоеванного год назад дворца в Великом городе Булгар^{*}. Дворец находился на берегу могучей реки Итиль^{**}, широкие просторы которой хорошо просматривались из окон. То тут, то там виделась утлая рыбацкая лодка, на берегу рыбаки чинили сети, по реке сновали небольшие плоты, перевозившие людей на другой берег. Несмотря на присутствие монголов, новых хозяев булгарских владений, мирская, трудовая жизнь постепенно возвращалась от войны в привычное, мирное русло. Рядом с городом, на некотором отдалении, раскинуло свой стан стотысячное войско, беспокойный рой людей, треть Великой Орды, призванной в поход на покорение западных земель. Две другие трети стояли южнее, в двух днях пути от Булгара.

В Орде были представители всех народностей, покорившихся монголам. Небольшую, но важную часть, занимавшую командные высоты по отношению ко всему войску, составляли представители монгольских племён: тайчиутов, кэреитов, найманов, онгутов, меркитов, урянхайцев. Коренастые, крепкие, одетые в кожаные доспехи поверх тёплых халатов, они составляли гордость войска Бату-хана, на них, представителей Коренной Орды, молодой хан всегда мог положиться. Из монголов, матёрых воинов и их старших сыновей, были сформированы десять туменов^{***} отважных и свирепых всадников, жадных до покорения чужих земель и городов. В пешем войске монголов было немного, но они также занимали командные высоты, управляли чужеземными воинами Великой Орды. Большую часть войска, пеших и конных, составляли представители Средней Азии и Кипчакской Степи, из земель, завоёванных Покорителем Вселенной, Великим Чингиз-ханом. Здесь были видны и хорезмские чалмы, и туркменские меховые шапки, и головные уборы кипчакских, киргизских, джунгарских племён. Встречались даже головные уборы сикхов, льняные рубахи урусутов, малахаи башкир, одеяния марийцев, чувашей, народов Кавказа. Орда двигалась, кишела, гудела, как огромный пчелиный рой.

Несмотря на многолюдность, дисциплина в Орде была железной, конфликты не допускались, виновные в стычках сразу же велись на дознание, за которым следовало суровое наказание. Немного поодаль основного войска расположился гигантский обоз, где повара готовили еду, в войлочных просторных юртах ждали женщины и играли дети, в походных кузнях мастера ковали оружие, скорняки чинили одежды, маркитанты всех мастей предлагали воинам и всем желающим свой товар, рядом мирно паслись огромные стада — пропитание монгольской армии. Орда шла воевать и устанавливать новую власть по заветам Покорителя Вселенной.

^{*} Булгар — столица государства древних татар — Волжской Булгарии

^{**} Итиль — тюркское название Волги

^{***} Тумен — основное воинское подразделение монгольского войска, составлявшее десять тысяч всадников

Стройная, гибкая фигура Бату, дорогой широкополюй китайский халат синего цвета, мягкие кожаные сапоги, серебряный пояс, отделанная золотыми пластинами сабля — всё в этом облике подчёркивало амбициозный характер обладателя с его молодым задором, неукротимой энергией и крайней жестокостью^{*}. Длинные волосы хана были заплетены в две косы, рука лежала на эфесе кривого дамасского клинка. Хан думал... «Надо расширять владения улуса, надо покорять новые земли. Надо переправиться через Итиль. Лучше дожидаться зимы, когда лёд встанет. А там и до Руси рукой подать... Упрямые урусуты^{**}, дали они тогда огня на Калке передовому войску Покорителя Вселенной! Если бы бились более слаженно, то могли бы и побить монголов. Но урусуты недружные, у них нет своего Чингиз-хана, у них нет Ясы и стройности в воинском деле. Однако недооценивать их нельзя. Надо нападать внезапно, врываться в города, жечь, убивать всех непокорных... Только жестокостью, только силой можно создать Империю... Я повторю славу своего великого деда, я дойду до Последнего моря, и монгольская конница омоет в нём копыта своих коней. Всё покорится монголам, везде будет водружён их бунчук^{***}».

Размышления молодого хана прервал подошедший к нему тихой кошачьей походкой Субэдей-багатур. Сухой стан полководца, осторожность и вкрадчивость его движений подчёркивали большой ратный опыт матёрого вояки. Старый волк деда Чингиза, одноглазый, с большим шрамом через левую щеку, с перерезанным сухожилием на левой руке, он с юных лет был приставлен наставником к Бату, чтобы воспитывать его, обучать ратным наукам, охоте, оберегать от злых людей и следить за тем, чтобы мысли молодого хана были правильными. Дед Чингиз, с детства познавший лишения, голод и рабство, хотел любимому внуку лучшей доли, поэтому и приставил к нему самого верного человека, «снежного барса степей». Субэдей был ещё весьма крепок, выдерживал дневные переходы, грамотно командовал своими туменами, мог часами рубиться в седле, а его жестокий нрав и беспощадность в схватках наводили ужас и трепет на ордынское войско. У него было ещё одно редкое достоинство — он не задавал лишних вопросов, никогда не ставил под сомнение приказы того хана, которому служил, знал своё место в иерархии нарождавшейся монгольской знати, не брал себе лишнего из военной добычи, поэтому и дожил до своих лет в почёте и всеобщем уважении.

- Что у тебя? — спросил Бату.
- Войско отдыхает и набирается сил, Великий Хан. Наши лошади хорошо питаются, воины получили хорошую добычу, а дисциплина в войсках поддерживается законом Вашего Великого деда...
- Как болгары? Кто-нибудь ещё сопротивляется?
- Нет, Великий Хан... Всех, кто не принял волю и власть Великого Хана, мы уже предали смерти. В живых остались только покорные...
- Вы нашли казну болгарских ханов? Нам нужно серебро и золото, чтобы подготовить войско к походу, платить жалование...
- Пока не нашли. Ищем, Великий Хан. Под стражу взяты все, кто может что-то знать о золоте. Ханский палач занимается тем, чтобы развязать им языки...
- Что со скотом. Много ли коров вы взяли?
- Все быки, коровы и овцы согнаны в обоз войска Великого Хана. Когда наши тумены пойдут на Русь, стада будут идти за ними и давать воинам пищу...

^{*} Бату-хану в 1237 году было 28 лет

^{**} Урусуты — жители Руси

^{***} Бунчук — древко с привязанным хвостом коня, символ власти у кочевников

Субэдей немного замаялся и не решился сказать что-то важное. Его глаз вопросительно смотрел на Бату-хана.

— Что ещё? Говори! — Хан повысил голос.

— Мы нашли беглянок, Великий Хан... Мы схватили дочь Наиля-мурзы и её старую служанку...

— Хорошо, наставник. Приведите ко мне их вечером. Посмотрим, какая она, дочь болгарского военачальника.

— Слушаюсь, Великий Хан!

* * *

— Вперёд, пошли вперёд! Шевелитесь! Великий Хан ждёт вас! — несильными толчками древок копий нукеры из ханской стражи гнали двух пленниц, молодую девушку и сухонькую маленькую старушку.

— Осторожно, порог! Вперёд!

— Абикай*, за что они так с нами? Что мы им сделали плохого? — спросила девушка.

— Тише, тише, дитя... Скоро мы всё узнаем... Если бы хотели убить, убили бы сразу. А так — мы ещё живы... Тише, дитя, монголы — это звери в людском обличье, не гневи их, — вполголоса ответила старушка.

Пленниц втокнули в большой зал ханского дворца. Обстановка была знакома, арабская вязь с изречениями из Корана на стенах, узоры на колоннах, ковры на полу. Ещё бы, ведь прежде пленницы были частыми гостями в ханском дворце, играли в саду с детьми хана, обедали и ночевали, будучи в гостях у его семьи. Посреди зала возвышался трон, на котором прежде на Советах сидел правитель Волжской Булгарии Ильгам-хан, а потом, после его смерти, молодой сын Абдулла. Сейчас это было место Бату-хана.

— Стоять! — Нукеры одёрнули женщин. — Стоять и ждать!

Настала пауза. Все ждали появления молодого хана: пленницы, огромные нукеры, слуга-китаец — толмач** монгольского похода, верный Субэдей-багатур. Через несколько минут вошёл хан.

— На колени перед Великим Ханом! На колени! — Тычки воинов без труда опустили пленниц на колени.

Хан выдержал небольшую паузу.

— Поднимите их!

Когда пленниц подняли, хан начал пристально разглядывать их. Старуха, одетая в чёрное, почти не удостоилась его внимания, в отличие от девушки, стройной, большеглазой и напуганной.

Пленницы поднялись. На девушке было светлое платье, грязное от дорожной пыли, русые волосы были растрёпаны, большие зелёные глаза испуганно смотрели то на хана, то на огромных нукеров, то куда-то в сторону, как бы прячась от грозного присутствия. Девушка была молода и красива: выразительные глаза, густые брови, юные чувственные губы, гибкий стан — всё в ней выдавало невинность и здоровье, то самое здоровье, которое бывает у людей только в молодости. Хан обошёл девушку.

— Как тебя зовут?

Толмач перевёл. Девушка не сразу поняла вопрос. То ли от испуга, то ли от усталости она продолжала молчать и озираться по сторонам.

— Как тебя зовут? Отвечай! — Хан слегка повысил голос.

* Абикай (тат.) — бабушка

** Толмач (устар.) — переводчик

Нукер слегка ткнул девушку в спину. Старая нянька что-то тихо сказала девушке по-булгарски. Она ответила:

— Назира, Повелитель... Меня зовут Назира...

— Кто ты, кто твои родители?

— Я дочь Наиля-мурзы, военачальника булгарского войска...

— Где сейчас твой отец?

— Он погиб, сражаясь с войсками Великого Хана. Вместе с ним погибли мои братья...

— Где твоя мать?

— Она умерла, когда я была маленькой. Я её почти не помню. Со мной лишь моя старая няня, бабушка Сяганат, которая вырастила меня...

Бату знал, что и хан Абдулла, и военачальник булгар Наиль-мурза пали в бою, но надо было подробнее узнать девушку, расспросить о её судьбе. Сеча под Булгаром получилась жестокой, уцелели немногие. Оставшиеся в живых гордые защитники города были без жалости перебиты монголами. Избиение длилось несколько дней, монголы не щадили ни старых, ни молодых, ни детей, ни женщин, они хотели посеять ужас в дерзких булгарах, и им это удалось.

Девушка явно понравилась хану, в Степи такую красавицу встретишь редко. По сравнению с жительницами Итиля монголки были другими. Крепкие, ширококостные, часто обладающие мужской силой, они были хорошими помощницами в условиях дикой степи, наравне с мужьями пасли скот, хлопотали в юртах, растили детей, могли взять в руки оружие. Хану булгарка казалась утончённой, нежной, в чём-то похожей на ребёнка, на маленькую обиженную девочку. «Какая красавица...Надо предложить ей стать своей наложницей. Женщины покорённых народов должны рожать монголам как можно больше сыновей, чтобы те вырастали и пополняли ряды монгольского войска. Монголы заполняют эти просторы, будут править ими тысячу лет... Правда, монголкам это не очень понравится. Ну что же, женщины должны знать своё место» — так думал молодой хан, глядя на девушку с берегов великой реки.

— Ладно, на сегодня хватит...Пленниц в темницу, перед этим помыть, переодеть и хорошенько накормить. Распорядитесь в обозе... Да смотрите, чтобы темница была не в подвале и хорошо проветривалась... Пусть девушка и её нянька ни в чём не нуждаются, выполняйте все их желания, пусть у них будут вдоволь вода и пропитание.

— Будет сделано, Великий Хан!

Субэдей-багатур дал знак охране, и пленниц повели прочь из дворца...

Хан спал тревожно, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к ночным звукам. Спальная комната во дворце была не по душе молодому хану, выросшему в степной юрте на берегах Керулена^{*}. С детства он привык к запаху войлока, овечьих шкур и ковров на земляном полу, умело собирал и разбираал юрту, помогая отцу в переходах от одного стойбища к другому. Хотя у семьи были рабы и слуги, отец Джучи старался воспитать в молодом Бату навыки воина, брал с собой в походы, на охоту, отдавал в семью деда Чингиза. Навыки пригодились молодому хану, он не чурался грязной работы, мог сам зарезать овцу, добыть пропитание с помощью лука, стрел, охотничьих силков, мог поймать и сготовить рыбу, объездить непокорного жеребца, починить колесо у арбы. Когда его дед Темучжин объединил монгольские племена и на Курултае был избран Великим Ханом, Чингиз-ханом — Повелителем степи, его семья, многочисленные дети, внуки, невестки, его жена Бортэ — все стали жить несравненно лучше. Но Бату помнил, что так может быть не всегда, помнил про рабство Темучжина, гонения, нужду, голод, через которые он прошёл вместе с матерью и братьями. Всё это заставляло развивать житейские навыки и не превозноситься над воинами Великой Орды. А во дворце ему приходится ночевать, чтобы показать новым подданным, что власть сменилась, и хан у болгар уже другой, который волен карать и миловать, и спит на подушках и постели бывшего болгарского владыки.

Булгары, булгары...Булгары были непокорными. Когда передовое войско деда Чингиза, ведомое Джебэ-нойоном и Субэдей — багатуром, возвращалось в Орду после первого похода на Русь, путь их шёл через болгарские земли. Булгары были не рады чужакам и устроили засаду. Они внезапно напали на монгольское войско и, изрядно потрепав его, убили многих воинов, уставших от длительного похода. Лишь небольшая часть монголов ушла в родные степи. В том бою был ранен Джебэ-нойон, у которого в дороге началось заражение крови и которого еле довели живым, чтобы попрощаться с Великим Чингизом. Дед Бату-хана был взбешён такой дерзостью и завещал своим потомкам начать будущий военный поход именно с Волжской Булгарии, разметать её войско, перебить болгарскую знать, привести к покорности жителей берегов Итиля. В завещании деда Чингиза был и чисто практический смысл — болгарские земли были богатыми, большие стада паслись на речных берегах, леса давали пушнину, искусные ремесленники производили хорошую одежду и снаряжение. В Булгаре знали секреты производства стекла и дамасской стали, которые вместе с Исламом передали кузнецам арабы, доспехи болгар были крепче монгольских. И вот Бату-хан, внук Покорителя Вселенной, здесь...

Хитёр был дед Чингиз. Деля завоёванные земли, улусу Джучи досталось совсем немного. По сравнению с Китаем, с его огромными городами, золотом, серебром и шелками, оружием, лошадьми и наложницами, вошедшими в улус Великого хана, по сравнению с землями арабов, с монгольской степью, с краями, которые были дороги каждому жителю берегов Керулена и Онона^{**}, западные земли Великой Орды казались не такими богатыми.

«Хорошо, что хоть Хорезм оставили. От Хорезма и Ургенча на Запад, куда доскачут монгольские кони... К Последнему морю...Докуда ступит нога монгольского коня... А где оно — Последнее море? Куда дойдут монголы со своими лошадьми?

Слава моего деда Чингиза недостижима... Потеряв в детстве отца, попав в угнетение, человек из рабства поднялся до вершин, объединил враждовавшие племена, создал невиданную империю, покорил Китай и Среднюю Азию, расправился с Тангутским

^{*} Керулен — река в Монголии

^{**} Онон — озеро в Монголии

царством, вечным врагом монголов. Но главное — он ввёл Ясу*, всеобщий закон, который держал на себе эту огромную территорию, собранную вместе... Пока монголы и завоёванные народы чтят закон, пока побеждённые платят дань, отдают свои богатства и своих женщин, Империя будет стоять! Нет такой силы, чтобы противостоять монгольскому войску, всех непокорных мы приведём к повиновению, везде будет Великая Орда», — так думал Бату-хан.

Хан встал, посмотрел в открытое окно дворца. С берегов Итиля веяло ночной прохладой, в поле пели сверчки, изредка ухала ночная птица. Из окна виднелась луна, блики её света отражались в воде, мелькали на доспехах стражников. Молчаливая охрана боялась издать какой-либо звук, чтобы не нарушить покой Великого хана.

Хан вспомнил молодую булгарку: «Красивая...Пусть приведут её сегодня. Надо поговорить с ней один на один, без старой няньки». Конечно, можно её взять силой, но хан хотел длительных, доверительных отношений. Как каждый мужчина, грозный хан хотел беззаветной, самоотверженной любви. «Бабка Бортэ любила Темучжина, когда он ещё не был Великим ханом всех монголов. Сколько они прошли вместе, в голоде, холоде и нужде, сколько вместе видели и горя, и радости...Она была единственной женщиной, с которой считался дед Чингиз и чьего гнева он боялся. Как бы мне найти такую же женщину» — так думал Бату-хан и незаметно задремал под свежестью утреннего тумана.

* * *

Пленниц держали в сторожевой крепостной башне. Их темница находилась на одном уровне с поверхностью земли, поэтому пленницы видели дневной свет и проходящих мимо жителей города. Иногда люди останавливались и заглядывали в окна. По городу уже прошёл слух, что дочь булгарского мурзы и её няньку схватили и держат в темнице. На окнах стояли решётки, но ставни были открытыми, рядом постоянно находилась ханская стража. Огромные воины, багатуры, поочерёдно сменяя друг друга, несли круглосуточный караул у ворот темницы. Зевак они отгоняли лёгкими ударами копий, делая страшные лица и грозясь убить.

Монголки из обоза, доверенные хана, повинясь его повелению, сводили пленниц в термы и принесли сменную, чистую одежду. Девушке даже выделили нарядное платье, обильно украшенное бисером и серебряными бляшками. Также пленниц начали хорошо кормить, кроме традиционных монгольских блюд из мяса и кобыльего молока, им приносили сладости и фрукты, которые стали появляться на рынке, лишь только успокоилась война, и жизнь вошла в мирное русло.

* * *

На третий день после заточения в башню хан прислал за Назирой воинов.

— Ты пойдёшь одна, — на ломаном булгарском огромный стражник обратился к девушке.

— Как же так, а как же я? — Сяганат старалась встать между стражником и девушкой. — Я не пушу её одну...

— Сиди, старая, я сделаю, что мне велено... Хан ясно сказал — привести одну, без няньки...

Стражник грубо пихнул Сяганат плечом, так, что та отлетела в угол темницы.

— Девочка моя, будь осторожнее... Я не знаю, что у хана на уме... Не перечь ему...

* Яса — свод законов, основа государства Чингиз-хана

- Хорошо, бабушка, я постараюсь молчать...
- Храни тебя Аллах, дитя... Возвращайся побыстрее...

Хан молча вышла за ханской стражей и пошла в сторону дворца.

Хан ждал девушку... Интересно, как сложится разговор без старой няньки, будет ли пугливая красавица покладистой, не будет ли перечить его воле...В юные годы в степи хан с отцом охотился на ланей, вот и девушка напоминала ему большеглазую, пугливую, но грациозную в своей робости лань. Рыжая Лань была прародительницей монголов, от её любви с Сизым Волком появился род Великого Чингиза. Так гласило предание... Интересно, получится ли союз Хана Орды и Булгарской Лани? Молодой Бату-хан страстно желал этого...

Пленницу ввели, она встала посреди комнаты, уперев взор в пол...Девушка была наряжена в традиционную национальную одежду, на головном уборе и платье выделялись серебряные украшения. Бату жестом отпустил Субэдея и стражу, оставшись с девушкой наедине. Лишь толмач-китаец притаился в углу. Хан осторожно обошёл девушку, приблизился к ней, чтобы уловить аромат её волос. Толмач, вжавшись в стену, переводил...

- Напомни, как тебя зовут?
- Назира, Повелитель...
- Сколько тебе лет?
- Семнадцать, Повелитель...
- Ты уже знала мужчин?
- Нет, отец не успел отдать меня замуж.
- У тебя есть жених, Назира?
- Он погиб в булгарском войске, как и мой отец, как и мои братья...
- Ты переживаешь свои потери?
- Да, Великий хан. Я жалею, что меня не было с ними...

Хан опустился на скамью, стоящую у стены.

- Это ведь война, а на войне убивают. На поле брани выживают лишь сильнейшие.

Немного помолчав, хан добавил:

— Я хочу, чтобы ты стала моей наложницей, Назира. Ты будешь в моём гареме, будешь ехать за мной в обозе моего войска. Я постараюсь, чтобы ты ни в чём не нуждалась, у тебя будут слуги, одежда, еда, тёплая постель. Я буду дарить тебе дорогие подарки. Но знай, ты должна быть покорна моей воле, ты должна стать моей, ждать меня по ночам, радоваться мне, согревать моё ложе... Ты родишь мне детей...

На глаза девушки навернулись слёзы. Она отвернулась, не смея поднять взгляд на Бату-хана. Русые волосы застлали её лицо, руки были приставлены к вискам, вся сутулившаяся фигура говорила о неподдельном, искреннем горе.

- Что же ты молчишь? Посмотри мне в глаза! — Хан слегка повысил голос.

Девушка откинула прядь волос и открыла заплаканное лицо:

— Нет, Великий хан, я никогда не буду твоей. Ты с оружием пришёл на нашу землю, в наш цветущий край! Ты истребил наше войско и сжёг наши города! Ты убил моего отца, моего жениха и моих братьев! Это была моя семья, я любила их, они были мне ближе всех на свете! Я никогда не буду принадлежать человеку, убившему моих близких!

Хан молча встал. По тому, как хищно прищурились глаза и заиграли на лице желваки, было видно, что ответ ему не понравился. Он ненадолго задумался, потом отворил дверь, сделал знак Субэдей-багатуру и тихо сказал по-монгольски: «Отведи её обратно в темницу. Надеюсь, что заточение сделает своё дело, и она покорится моей воле. Найдите её слуг, кто служил её отцу, и кого она хорошо знает. Переверните весь

Булгар, все близлежащие деревни, но найдите их! Я скажу, что с ними надо сделать... После этого приведёте её ко мне». Немногословный Субэдей молча кивнул, и ханская стража увела пленницу обратно в башню.

* * *

Старая Сяганат не находила себе места. С тех пор, как стража увела её воспитанницу, казалось, прошла целая вечность. Медленно тянулось время, казалось, что даже воздух в древнем Булгаре замер в тревожном ожидании. Как вырваться из темницы, как попасть в ханский дворец? Что там происходит, как ведёт себя грозный хан, не обижает ли он её девочку? «Горе, горе побеждённым...Их удел — выполнять волю победителей, их прихоти и желания, какими бы мерзкими они не были. Аллах Великий, не за себя молю, прошу за невинное дитя...Лишь бы хан не обидел мою Назиру, лишь бы он не навредил ей, не взял силой мою девочку». Но, вот послышался шум, дверь отворилась, стражник грубым толчком затолкал молодую девушку в темницу.

Сяганат подошла к своей воспитаннице, нежно обняла её.

— Милое моё дитя...Слава Аллаху, ты цела...Назира, что сказал тебе Великий хан? Девушка разрыдалась.

— Ах, бабушка, что мне делать? Хан хочет взять меня в наложницы. Он предложил жить в гареме, следовать за ним в обозе его войска.

— И что ты, дитя, решила?

— Абикай, я не буду принадлежать человеку, который убил моего отца и моих братьев...

— Хан возьмёт тебя силой.

— Абикай, я не буду его...

— Хан убьёт тебя, Назира! Он не потерпит неповиновения...

— Смерть была бы избавлением, бабушка... Зачем мне жить, если все мои близкие уже мертвы?

— Покорись ему, дитя...Ты ещё молода, у тебя будут дети, они будут детьми Великого Хана...

Девушка в задумчивости села на постель.

— Нет, абикай, не бывать этому...Лучше не уговаривай меня... — Юная пленница нахмурилась и упорно сжала губы. — Я не буду его, не предаю память моей семьи...

* * *

Было раннее утро. Молодой хан позавтракал лепёшкой с овечьим сыром и запил кумысом. Несмотря на огромную власть, в питании хан был непритязателен, лишь требовал, чтобы еда всегда была вкусной и свежей. Затем хан прошёл в тронный зал и воссел на место, некогда принадлежавшее булгарским властителям. Булгары, булгары...Хан погрузился в воспоминания о своих первых победах...

Огромная Орда надвигалась из азиатских степей. Войска шли неспешно, осознавая свою мощь, предвкушая сражения и смакуя будущую добычу. Впереди, на два-три дня пути, скакали монгольские дозоры, проводившие разведку, подмечавшие пути прохода, урожай на полях и речные броды, пристально оценивающие силы противника.

В Булгарском ханстве почуяли неладное. Молодому хану Абдулле, занявшему трон после смерти отца Ильгам-хана, доложили о быстрых, уклоняющихся от прямых стычек, ускользающих от преследования кочевниках. Хан велел отправить в Степь свои дозоры, булгарских смельчаков, опытных воинов, не боявшихся чужой стрелы

или сабли. Большинство дозорных не вернулись обратно, но те, кому посчастливилось воротиться, рассказали о невиданной силе, которая движется на булгарские земли, о сотнях тысяч воинов на приземистых лошадях, о диковинных китайских камнеметательных машинах, которые тянут огромные волю, об обозе Великой Орды, растянувшемся на несколько дней пути. Хан Абдулла велел созывать войско, во все концы Волжской Булгарии были отправлены гонцы с ханским указом. Удалось собрать сорок тысяч хорошо вооружённых и смелых бойцов. Но по сравнению с Ордой этого было мало, катастрофически мало...

Год назад, летом 1236 года, войска сошлись в степи под Булгаром. Целых два дня армии стояли напротив друг друга, присматриваясь, оборудуя позиции, проводя разведку местности. Внешне булгарская армия выглядела лучше, у воинов были свежие кони, добротные мечи и стрелы, доспехи из стали отливали блеском на ярком солнце. Орда монголов на фоне армии хана Абдуллы выглядела блекло. Монголы, устав от длительных переходов, не спеша разбили лагерь, оборудовали позиции, тянули время, необходимое на отдых лошадей и восстановление сил. Но монгол было почти в три раза больше.

На третий день началась жестокая битва. Лёгкая, быстрая монгольская конница вгрызалась в ряды булгарских воинов, осыпала их стрелами, жестоко рубилась с всадниками в стальных доспехах. Всадников поддерживала пехота с длинными копьями. Монголы применили свою излюбленную тактику — в случае численного превосходства они наскакивали двумя волнами, сперва бились одни воины, потом они отходили на заранее подготовленные позиции, и в бой вступали свежие силы, всадники, поддерживаемые пешими частями. «Урагшаа!» — гремел боевой клич монголов, булгары отвечали им — «Аллах Акбар!». Булгарское войско, отважные и гордые всадники, поддерживаемые ополчением, стойко держались и рубились с монгольскими силами, но силы были неравны, численный перевес Орды дал о себе знать. Вначале были смяты булгарские силы в середине войска, затем монголы окружили и порубили фланги. К вечеру всё было кончено, монголы спешивались, не торопясь осматривали убитых, забирали ценное себе в добычу, добивали раненых. Бату-хан приказал пленных не брать, пусть дерзкие булгары умоются кровью за свою строптивость. Предводитель войска, хан Абдулла, и все его военачальники полегли на поле брани. Небольшой горстке булгар, не более тысячи, удалось вырваться, их путь лежал на Русь, во Владимирское княжество, где сидел Великий князь урусатов Гюргий*. Они прихватили семьи, укрывшиеся в ближайших лесах, и тайно, небольшими отрядами, покинули Булгарию. Местное население частично разбежалось, кто куда, часть на Русь, часть на запад к мордве, часть на север к черемисам. Были и такие, кому бежать было некуда, они решили остаться и положиться на волю Всевышнего.

Вечером того же дня монгольская армия ворвалась в беззащитный город, где жестокая резня продолжилась. Реки крови пролились на улицах, монголы врывались в дома, жгли мечети, убивали детей, насиловали и вспарывали животы женщинам, без жалости секли стариков и старух. Казалось, врата ада обрушились на славный город Булгар, злые духи, иблисы** поселились в нем, люди не могли творить такое... Ещё день продолжалась резня, затем хан приказал бойню прекратить, а большую часть награбленного — сдать в казну. Воины беспрекословно покорились приказу грозного хана, насилие и грабежи закончились...

* Гюргий — Юрий Всеволодович, Великий князь Владимирского княжества, сын Великого князя Всеволода Большое Гнездо

** Иблис — злой дух, демон в Исламе

Хан был доволен, но желал большего. Молодой, дерзкий характер делал своё дело, Бату грезил новыми владениями, походами, добычей. Успех в военном деле высоко ценился у монголов, ещё вчера забытые племена охотников и скотоводов превращались в грозную, хорошо вооружённую, бесстрашную силу, ужасающую Орду, сметающую всё на своём пути... Где же оно, загадочное Последнее море, куда завещал дойти его дед? Какая добыча, какие трофеи ждут хана в пути? А тут ещё эта непокорная красавица... Ну, ничего, хан приведёт её к послушанию...

Пришёл верный Субэдей-багатур. Хан велел никого к себе не впускать, беседа велась вполголоса и продлилась довольно долго.

— Слушаюсь, Великий Хан, — с этими словами Субэдей спешно удалился.

* * *

Утром следующего дня пленницы неспешно проснулись. Голову Сяганат одолевали тревожные думы, какое-то смутное беспокойство чувствовалось во всём течении времени. Стражники принесли еду, Назира не спеша позавтракала, Сяганат не притронулась к еде, лишь попила воды. Воздух с Итиля приносил прохладу, уже вовсю чувствовалась осень, деревья стали желтеть, на полях созрел урожай, убирать который было некому. Ставни были приоткрыты, лёгкий ветерок гулял по темнице.

С улицы раздался непонятный шум. Затем небольшой камень ударил по стеклу в ставне окна.

— Эй, красавица, выгляни в окно! — На ломаном болгарском наречии произнёс голос с чужеземным акцентом. Назира приблизилась к окну и отшатнулась от него, из её груди вырвался горестный вздох, девушка зарыдала:

— Бабушка, что это? Как же так можно?

Старая Сяганат подошла к окну и тоже в ужасе отшатнулась... Прямо напротив, в десяти шагах от темницы, в земле стояли остриём вверх три монгольских копыя, на которые были насажены человеческие головы. Сяганат и Назира знали, кому принадлежали эти головы. Здесь были мальчик, ровесник Назире, который служил на конюшне в доме Наиля-мурзы, пожилой садовник и женщина, помогавшая по хозяйству и в стряпне, которых Назира знала со своего рождения. Окровавленные головы слуг были обращены лицом к темнице. Девушка побледнела и забилась в угол, по её телу прошёл озноб, из уст вырвался горестный крик.

Сяганат бросилась к Назире, крепко обняла её, прижала голову девушки к своей груди.

— Не плачь дитя... Монголы-звери, Великий Аллах покарает их...

— Бабушка, что же это... За что это им?

— За то, что служили твоему отцу в твоём доме, Назира! Иногда наша печальная судьба бьёт по нашим близким. Хан хочет запугать тебя, сломить твою волю, заставить покориться... Монголы понимают только силу...

— Как мне жить, бабушка, как мне жить? Что нас ждёт дальше? — Слезы ручьём катились из глаз Назире, тело содрогалось от рыданий, горе её было безутешным...

* * *

Бату-хан вспоминал своё детство... Отношения со своими родными и двоюродными братьями всегда были сложными, молодые волчата ещё подростками стали грызться за власть, которая когда-нибудь достанется им после Великого Чингиза.

О Джучи, отца Бату-хана, говорили разное. Когда Великий Темучжин был гоним, меркиты, враги монголов, захватили в плен его жену Бортэ. Джамуха, названный брат Темучжина, собрал нукеров и помог освободить пленницу. Бортэ вернулась из меркитского плена беременной, и после этого родила крепкого чернявого малыша Джучи. Монголы шептались, что ребёнок не от Темучжина, который с рождения был рыжим, говорили об этом украдкой, так как боялись, зная крутой нрав Покорителя Вселенной. Великий Хан всех монголов никогда ничем не попрекнул Бортэ, он любил свою первую жену, считал себя виноватым в том, что допустил её пленение. Хан никогда не унижал, не обзывал, не шлёпал Джучи, он баловал сына, особо выделял его среди других детей, часто играл с ним, когда тот был маленьким, прижимал его к мускулистой груди, только иногда странно вглядывался ему в глаза, словно пытаясь уловить знакомые черты в лице и повадках малыша.

Но не все наследники Великого Темучжина были такие же великодушные... Второй сын Темучжина и Бортэ, брат Джучи Чагатай как-то прилюдно обозвал его ублюдком, «меркитским подарком», в результате чего братья сцепились и подрались. Потом Великий хан имел неприятный разговор с Чагатаем, сказал: «Что же ты попрекаешь брата? Попрекай меня за свою мать Бортэ, за то, что я не уберёг её от позора!» Чагатай смутился:

— Прости меня, отец, я сказал во зле, не подумав.

Он никогда больше не позволял себе подобного, однако с тех пор отношения между братьями были натянутыми. Холодный конфликт всегда мог перерасти во что-то большее, лишь принадлежность к одному роду и власть отца удерживали братьев от драки.

Последние годы отношений отца и Джучи были сложными. Джучи был единственным чингизидом, который позволял себе открыто неповиноваться отцу, не исполнял его приказы, походам и ратным схваткам предпочитал охоту, своих многочисленных жён и наложниц. Великий Чингиз прощал любимого сына, и когда тот неожиданно умер, все боялись об этом ему сказать. Гонец, приехавший с этой вестью, встал в юрте перед взором Чингиз-хана, начал говорить приветствие Покорителю Вселенной и расплакался.

— Что же ты плачешь, воин? Разве мой сын Джучи мёртв?

— Да, Великий Хан, ты сам сказал об этом. Наш господин внезапно умер, ему стало плохо после ужина, — таков был ответ гонца.

Грозный хан замолчал, сошёл с деревянного трона, как-то сразу ссутулился, отяжелел. Но слёз в его глазах приближённые не увидели.

— Что же, так тому и быть. Великий Тенгри^{*} призвал моего сына. Готовьте поминальный пир и оставьте меня одного... — Хан жестом приказал всем удалиться, все в смятении покинули юрту Великого хана.

И вот, Западный поход монголов. Бату командовал объединённым войском, кроме него, в походе были родные братья-джучиды Орда-Ежен, Шибан и Бёрке, сын и внук Чагатай Байдар и Бури, двоюродные братья, сыновья Угэдея Гуюк и Кадан, сыновья Толуя Мункэ и Бучек, младший сын Чингиз-хана и его второй жены-меркитки Кулан, Кюлькан. Командовать родственниками было сложно, но если потомки Чагатай предпочитали отмалчиваться на Военных советах, то сыновья Угэдэя, наследника Великого Чингиза, так и норовили вставить Бату палки в колёса, особенно в этом преуспевал Гуюк, который пошёл в Западный поход за славой и ревностно относился к командованию Бату. «Вот упрямый осёл, нет от тебя покоя!» — думал Бату-хан, но всё равно не решался вступать в открытый конфликт с родственником, предпочитал его держать на расстоянии от себя. Поэтому и сейчас Гуюк и Кадан стояли со своими туменами отдельно от Бату, южнее Булгара.

^{*} Тенгри — бог Неба, верховное божество монголов

Мысли вернулись к Назире. «Мой отец любил женщин, набирал себе жён в военных походах. Я буду действовать также, буду набирать себе жён в своих походах. Мне нужна эта булгарка, эта нежная девушка, я заставлю её покориться», — так думал Бату-хан, вспоминая прошлое.

* * *

На следующий день Бату-хан велел привести к себе Назиру. И снова одну, без старой Сяганат. Он ждал девушку, и, когда её доставили в тронный зал, сразу перешёл к делу. Рядом стоял молчаливый Субэдей.

— Назира, ты подумала над моим предложением? — спросил хан.

— Да, Повелитель...

— И что? Что ты решила?

— Нет, Повелитель...

— Что нет?

— Я не буду твоей, Великий Хан. Я не буду жить с человеком, убившим мою семью.

— Ты хорошо подумала?

— Да, Повелитель... У нас был добрый город, в котором жили хорошие люди... Ты захватил его со своими воинами и разорил... Ты обезглавил моих преданных слуг, которых я знала с детства. В чём они провинились? Я не прошу тебя...

Хан рассмеялся. Какая же наивная его пленница!

— Война есть война. Монголы победили булгар, поэтому мы новые хозяева ваших земель... Мы решаем, кого карать, а кого — миловать. Удел побеждённых — служить победителям! Я не нуждаюсь в твоём прощении, наоборот, я твой победитель и пытаюсь оказать тебе великое благо.

Девушка молчала.

Внезапно Бату хищно прищурился и заглянул девушке прямо в её большие бездонные глаза.

— А если я велю убить тебя?

— На всё воля Аллаха, Великий Хан... — Губы девушки упрямо сжались. — Я не боюсь смерти, в лучшей жизни я встречу с мамой, отцом и своими близкими. Аллах, Господин Миров призовет меня в Фирдаус^{*}, и там я увижу всех, кто покинул мир из-за тебя!

Хан разозлился — какое упрямство! Именно такого гнева, вспышек импульсивной, животной, неконтролируемой ярости больше всего боялись его приближённые. Он подскочил к Назире и схватил её за волосы. Склонившись над ней, он тихо прошипел:

— Значит, ты не боишься смерти, красавица? Так знай, я не убью тебя сразу. Без мучений ты не умрёшь... Я велю отдать тебя своим нукерам, и, когда они разорвут твою одежду и насладятся твоим юным телом, я отдам тебя в тумен. А там тебя замучают до смерти, живой оттуда ты уже не выйдешь. Вместо того, чтобы быть моей и рожать мне детей, ты предпочтёшь такую участь?

— На все воля Аллаха, Господа Миров... Отпусти меня, Повелитель, ты делаешь мне больно. Твоё поведение не делает тебе чести, позорит тебя!

От этих слов девушки у хана потемнело в глазах. Какая дерзость, какая же она упрямая и своенравная! Теперь точно ей надо преподать урок, даже ценой её жизни! Оставлять такое нельзя... Но и нельзя давать волю гневу, особенно при подчинённых. Месть надо подавать с холодной головой. Хан оттолкнул пленницу.

^{*} Фирдаус — райский сад в Исламе

— Знай, я приду к тебе в башню за ответом завтра. Если ты не передумаешь, Назира, твоя участь будет решена, и ты закончишь свою жизнь в муках и бесчестии. Увести! — Жестом хан показал, что разговор окончен.

* * *

Хану не спалось. Во дворце стояла ночная тишина, лишь тихо пели сверчки за окном да доносился лай городских собак, многие из которых стали бездомными, так как их хозяева были убиты. Бездомные собаки дрались с волкодавами, пришедшими с войском из Средней Азии, воины разнимали их, следили за тем, чтобы не было жертв, отгоняли местных собак палками и плетями.

Полный лик Луны красиво отражался в водах Итиля, лунный свет пробивался в спальню. Шёлковые китайские одеяла и подушки с вышитыми драконами не приближали сон, хан перекатывался с места на место на огромной кровати.

Война с Китаем ввела в монгольской знати моду на всё китайское, на китайские халаты из нежного шёлка и парчи, на оружие, украшения. Вооружение монгольской армии модернизировали китайские инженеры, у войск появились камнемёты, осадные башни, китайские мастера обучали молодых монгольских воинов владению мечом, пиротехники передавали монгольским воинам навыки взрывного дела, примитивные бомбы на основе пороха стали применяться монголами в битвах. Это коснулось и быта — монголы добавляли в пищу острые китайские специи, монголки красились китайскими белилами, копировали причёски и одежду китаянок.

Хан вспомнил историю про деда, которую ему рассказал отец. Однажды Темучжин с четырьмя нукерами шёл по стойбищу своего улуса. Был летний вечер, солнце клонилось к закату, монголы неспешно занимались домашними делами. Женщины хлопотали по хозяйству, помогая мужьям, готовя еду в котлах и шлёпая малышей. Дети постарше гонялись друг за другом по степи, играли в салки. Ничего не предвещало какой-то тревоги, набега врагов, грозы или урагана. Вдруг внимание хана привлёк странный шум, пьяный гвалт, удары плетью, душераздирающие визги животного.

Хан повернул на шум и увидел такую картину. Рядом с небольшой юртой стоял столб для привязи лошадей. К столбу была привязана молодая собака, щенок монгольского волкодава, хотошо нохой*. Пьяный молодой монгол бил что есть мочи щенка плетью, тот скулил и убежал, но привязь была короткой, и далеко убежать не получалось. Шерсть защищала спину и бока собаки, но на морде оставались красные рубцы, щенок взвизгивал при каждом ударе. Жена выскочила из юрты, шумела, пыталась образумить мужа, но он грубо отпихивал её и продолжал бить собаку плетью. Когда камча была в очередной раз занесена, хан сделал знак воину, и тот перехватил руку. Щенок, поскуливая, с испугом смотрел то на хозяина, то на хана, не зная, куда деться и что будет дальше.

С пьяных глаз монгол не сразу узнал хана, но когда узнал, испуг пробежал по его лицу, он упал на колени.

— Вот пьяный болван! Ты что, перепил архи? ** Разве ты не знаешь, что у монгол собаки священны? Они сторожат наши стада и юрты! За что ты бьёшь щенка? — Хан грозно повысил голос.

— Великий хан, пёс укусил моего старшего сына, когда тот играл с ним...Я наказываю собаку!

* Хотошо нохой — бурят-монгольский волкодав

** Арха — монгольская водка на основе молока

— Наверное, жена твоя плохо смотрит за детьми, правда ведь, женщина? Наказывать-то надо жену. — Хан обратился к жене истязателя, но та стояла, боясь проронить хотя бы слово.

— Правда? — повторил Темучжин.

— Да, Великий хан, — выдавила из себя монголка.

— За то, что истязал собаку, привяжите его к столбу! Щенка заберите в мою юрту! Держите драчуна на привязи, пока не протрезвеет... Еду не давать, только воду, утром и вечером. Под страхом смерти, передайте всем мой приказ, кто поможет ему, покормит или даст воды, сам будет привлечён мной к ответственности. Ты останься, утром тебя сменят, — хан обратился к одному из воинов.

— Слушаюсь, Великий хан! А ну-ка, иди сюда, пьянчуга! Руки за спину! — Воин привязал молодого монгола к столбу. Тот хмуро молчал, боясь ещё больше прогнать Темучжина.

Два дня молодой монгол простоял привязанным к столбу. Рядом на траве, не отходя далеко и всхлипывая, сидела его жена, обнимая колени. Силы оставили парня, руки и ноги затекли, он просто повис на верёвке лицом вниз. На третий день Темучжин снова пришёл к его юрте. На этот раз его сопровождали воины и Джебэ-нойон, чья звезда военачальника уже начала своё восхождение.

— Отвяжите его, — короткий приказ, и воины сняли парня со столба.

— На колени... Ты понял, за что наказан? — Хан внимательно смотрел на парня.

— Да, Великий хан! Пощадите меня, Великий хан!

Монгол еле стоял на коленях, запёкшиеся губы растрескались, взъерошенная голова раскачивалась из стороны в сторону.

— Никогда не издевайся над слабыми. Если читаешь более слабого врагом, лучше сразу убей... Но не издевайся, не мучай ни ножом, ни саблей, ни плетью, ни копьём... Это недостойно мужчины. Тем более, не мучай того, кто не может за себя постоять, да и сказать в своё оправдание пару слов не может, — Темучжин засмеялся. — Ведь собаки пока не научились говорить, правда?

Улыбки появились на лицах грозных воинов, сопровождавших хана.

— А что, Джебэ, нужен тебе такой нукер? — Хан продолжал шутить.

Джебэ замер в поклоне:

— Если Великий хан прикажет. Только пусть он сперва отпросится у жены...

Воины при этих словах дружно засмеялись...

— Так и быть! Если захочешь, поступай в тысячу Джебэ-нойона, скажи десятникам, Темучжин попросил за меня... И помни этот урок всю свою жизнь.

Хан пошёл прочь, а молодой монгол продолжал стоять на коленях и смотреть вслед Великому хану, чувствуя холодок стального клинка на своей шее, осознавая, что смерть прошла где-то рядом...

* * *

Бату ворочался с боку на бок... Почему не спится? Может, встать с постели и пойти, проверить дозоры? Как сложится завтрашний день, передумает ли его пленница? Если передумает, то сбудется мечта хана, он добьётся внимания красавицы, а если нет, то придётся выполнить свою угрозу, девушка умрёт в ужасных муках... Проклятое упрямство... Никто не может перечить воле Великого хана, здесь нельзя давать

спуску... Как сложится завтрашний день? Скорее бы рассвело... Бату — хан задремал под утренней прохладой...

Наступило утро... Бату неспешно поднялся с ложа. Слуги принесли еду, но есть не хотелось... Выпив кумыса и приказав двум воинам: «За мной!», хан в сопровождении толмача и Субэдея быстро пошёл в сторожевую башню к пленницам. Огромные стражники-багатуры преклонили головы перед ханом, когда он заходил в темницу. В углу маленькая Сяганат перебирала чётки и тихо читала молитву: «О Аллах! Прости её, и помилуй её, и избавь её, и окажи ей милость... И окажи ей хороший приём, и сделай место входа её просторным, и омой её водой, снегом и градом...» Из глаз старушки текли слезы, в фигуре читалось горе и обречённость. На постели в противоположном конце темницы лежала Назира... Девушка была мертва... Её лицо было смертельно бледным, красивые волосы разметались по подушке, глаза слегка приоткрыты, из уголка губ сочилась крохотная струйка крови... Рядом с постелью валялась небольшая склянка из жёлтого мутного стекла... На лице пленницы застыла полуулыбка, весь вид её говорил: «Мои мучения закончились... Теперь я увижу своего отца и своих братьев, теперь мой жених сможет стать моим мужем... Я победила тебя, Великий Бату-хан!»

Хан пришёл в ярость! «Лекаря, быстро», — крикнул он, и стражник убежал за лекарем-хорезмийцем*. Тот примчался и начал осматривать тело девушки...

— Что с ней? — спросил Бату.

— Это яд, Повелитель... Пока не пойму. Похоже на болеголов или беладонну**. У неё образовался паралич сердца и дыхания, она умерла во сне.

— Она мучилась?

— Нет, Повелитель. По-видимому, она приняла яд вечером, перед сном. Он убивает тихо и бесшумно. Она ушла быстро, ей не было больно... Она не страдала...

— О, Великий Тенгри! — Хан сжал кулаки и зарычал в ярости. — Куда смотрела стража? Куда смотрел ты, мой наставник, мои глаза и уши? — Хан смотрел на Субэдей-багатура, тот насупились, отвёл взгляд. — Неужели этого нельзя было предвидеть? Откуда взялся яд? — Хан перевёл взгляд на стражников темницы.

Стражники бросились на колени.

— Прости нас, о Великий! Мы ничего не видели, не было такого, чтобы кто-то пошёл близко к двери или к окнам.

Слово взял лекарь.

— Великий хан, скорее всего, яд подбросили в открытое окно. В городе много сочувствующих семье Наила-мурзы, вот кто-нибудь и выполнил просьбу девушки, принёс ей склянку с ядом.

— Стражу казнить. Отрубить им поганые головы! Выполняй, наставник, — хан опять обратился к Субэдею.

— Слушаюсь, Великий Хан! Разоружить их, — сказал Субэдей пришедшим воинам.

Приговорённые стражники повисли на ногах хана.

— Пощади, о Великий... Мы смоем наш позор кровью... Поставь нас в битве в первые ряды... Прикажи не казнить нас.

— Прочь от меня, шакалы... Пощады вам не будет! — Пара пинков от хана отшвырнула плачущих стражников. — А ты куда смотрела, старая? — Хан обратился в сторону Сяганат.

* Хорезмиец — житель Хорезма, государства в Средней Азии, завоёванного Чингиз-ханом. В Хорезме процветали науки, в том числе, медицина

** Болеголов и беладонна — ядовитые растения, на основе которых в средние века изготавливались сильнодействующие яды

Маленькая женщина забилась в угол и выглядела отрёпленной в своём горе. И вдруг случилось её преобразование, она быстро, с дикой злобой, как рысь, бросилась на хана, лицо её было перекошено от гнева, кулаки застыли в замахе. Толмач-китаец побледнел, вытянулся и оторопело замер, затем тихо заговорил под грозным взглядом Бату.

— Будь ты проклят, Великий хан, и весь род твой, все дети твои и внуки твои, и внуки внуков твоих, все будьте прокляты до седьмого колена. Ты хотел опозорить невинное дитя, ты хотел отдать юную, чистую девушку своим воинам, если она не покорится тебе! Она предпочла смерть позору... Эта смерть на тебе, Великий хан! Я буду приходить к тебе во сне каждую ночь и взывать к твоей совести. Аллах, Господин Миров, покарает тебя, язычника, заставит испытать такое же горе, которому ты подвергнул нас с Назирой. Будь ты навеки проклят, Великий хан!

Маленькая Сяганат сотрясала воздух, казалось, от её гнева обрушатся стены темницы. От таких дерзких слов Бату-хан потянулся к арабской сабле: «Снести старой башку за её поганый язык!»

А впрочем... Смерть юной, невинной девушки потрясла хана. Довольно смертей за сегодняшнее утро... Хан как-то враз обмяк, устало сел на скамью в углу. Казалось, что он за мгновение прибавил себе лет тридцать, из грозного молодого правителя превратился в пожилого, уставшего от всего человека.

— Что со старухой, её казнить? Что прикажет Великий хан? — Субэдей-багатур склонился в полупоклоне.

— Нет, нет, мой верный наставник, который в этот раз меня подвёл. Я не воюю со старухами... Дайте ей железную пайцзу на проход по всем моим владениям и выгоните за стены города. И чтоб никто, слышите, никто, ни один воин, ни один дозор не смел её и пальцем тронуть! Пусть она ходит от города к городу, от села к селу, и помнит о том, что не спасла свою воспитанницу, не уговорила её на близость со мной. Пусть корит себя до своего последнего вздоха и умрёт с этой мыслью! Гоните прочь её с глаз моих, пока я не передумал!

Бату подошёл к телу Назиры, взял её за руку. Покой пленницы был безмятежным, она также улыбалась грозному хану. Какая она всё-таки красивая! И непокорная...

— Девушку тайно похороните на городском кладбище! Пусть на её могильной плите не будет имени... Эх, Назира, Назира, тебя могла бы ждать совсем другая судьба... Ну да ладно, плохих новостей за сегодняшнее утро хватило.

Хан остановился в дверях и резко обернулся. Взгляд его был устремлён вверх находящихся в темнице. Присутствующие склонились в почтительном поклоне.

— И вот ещё что... Субэдей, собирай Курултай, пошли гонцов ко всем царевичам, пусть будут здесь через три дня! Мы выступаем на Русь!

Великий хан Великой Орды вышел из темницы и направился во дворец. Сяганат гневно посмотрела ему вслед.

* * *

«Дзиль-дзиль! Дзиль-дзиль!» — бьётся железная пайцза о медный пояс. Маленькая женщина, одетая в чёрное, пробирается через морозную степь, идёт к своей цели. На Север, только на Север! Там, в шумной и растущей Казани, у старушки родственники, там она может найти кров и защиту. Казань монголы пощадили, там не было таких зверств, как в Биляре или Булгаре, люди там мирно приняли монгольское начальство, покорились, столкнувшись с дикой, жестокой силой. Мороз пронизывает одежду, покалывает кожу, заставляет быстрее двигаться. «На Север, на Север! Проклятые монголы... Проклятый Бату-хан, наказание земли булгарской! Пусть им всем будет пусто»... Но что все это по сравнению с тем, что случилось, по сравнению с её горем...

Может, и не надо никуда идти, может, надо просто лечь и умереть. «Но нет, я должна рассказать всем о поступке Назиры, пусть он вселит в сердца болгар надежду! Если мы сейчас слабы, мы можем не покоряться и ждать мести над язычниками. А месть обязательно придёт, Великий Аллах не оставит своих верных рабов! Соберётся ещё болгарское войско, выгонит проклятых монгол обратно в их бескрайние степи. На Север, только на Север, вперёд, только вперёд!»

На степь медленно опускаются сумерки. Холод окутывает землю, встаёт в воздухе, становится зябко. Всё замирает, затихает среди холмов и травы. Старушка выбивается из сил, ноги тяжелеют, голова клонится к земле. Идти уже нет мочи... «Надо немного отдохнуть, посидеть или прилечь... Вот и подходящий холмик. Сейчас прилягу, чуть полежу, отдышусь и продолжу свой путь. Эх, дитя, дитя, невинная, юная моя девочка... Как я без тебя, как мне жить дальше?»

Старая Сяганат легла на небольшой холм и закрыла глаза. Внезапно она согрелась, как будто кто свыше укрыл её одеялом, холод отступил, по суставам и мышцам разлилось приятное тепло... «Как же хочется спать... Похоже, с этого ложа мне уже не встать. О, Великий Аллах, обращаюсь к тебе в свой час... Сделай так, чтобы я увидела мою девочку, чтобы обняла её и никогда, никогда больше с ней не расставалась. Милая Назира, скоро встречу с тобой... О, Аллах, Господин Миров, прости меня... Прости, что не уберегла невинное дитя, любимую мою девочку... Прости меня... О, Великий, прими душу мою».

Маленькая старая женщина, свернувшись, лежала в зимней степи. Она засыпала в последний раз, и ей снился красочный, долгий сон. Снился цветущий, зелёный город на берегу могучей реки, шумный восточный базар, переливы разных наречий и голосов, бродячие фокусники, ремесленники, кузнецы, россыпи зелени, прилавки со сладостями, шёлковые ткани, ковры, медвежьи и волчьи шкуры, зазывающие народ купцы, она, улыбающаяся, ещё крепкая, полная сил, и маленькая девочка с заплетёнными в косы волосами, теребящая её за рукав: «Абикай, возьми меня на ручки... Абикай, возьми меня на ручки...»

